

№ 433 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

ЧАЮЩИЕ ДВИЖЕНИЯ ВОДЫ

В нынешнем уставном чтении евангельского отрывка от Иоанна (Ин.5:2-9) повествуется об исцелении Иисусом паралитика, тридцать восемь лет находившегося в подземелье в одном из пяти крытых ходов купальни у Овечьих ворот Иерусалима. «Передний план», так сказать, этого события, мы обсуждали многократно, поэтому стоит уделить хотя бы минимум внимания фону.

Значит, бассейн, вода в котором периодически начинала бурлить. Сейчас бы сказали – гейзер активизировался, или выделение какого-то газа, наподобие сероводорода. Но в те времена, да и намного позже, народная молва норовила почти всё подряд мистифицировать. Написано, что воду временами возмущал ангел Божий. Кем написано, точнее, вставлено в Евангелие от Иоанна – неизвестно. Дошедшие до нас РАННИЕ фрагменты этого текста о таком не упоминают.

Удивляться здесь нечему – в еврейском фольклоре много подобных мистификаций. Так, например, сказано в талмуде, что «У каждой травинки свой ангел, который наклоняется к ней и шепчет: "Расти, расти..."»

Ну и - слава Богу – честь евангелиста, выходит, спасена, теперь всех собак можно повесить на фальсификатора, который своим наивным и глуповатым «благочестием», возможно, с благими намерениями, евангелиста подставил «по самое не балуйся». Потому что, если допустить **сверхъестественность** «возмущения» воды в купальне, тогда, выходит, совершал это не Божий посланник, а сущий дьявол.

Ну вот представьте картину в её нравственном измерении. Начинается «движение

воды», и тут же калеки и больные, яростно расталкивая друг друга, наперегонки бросаются в бассейн. Они - соперники – выздоровеет лишь победитель – тот, кто **первым** окажется в воде, остальным опять долгое время придётся валяться на земле скрюченными, в ожидании следующего шанса оказаться ловчее своего соседа, хитрее и подлее. Здоровым, ведь, окажется не скромный уступчивый добряк, а вероломный эгоист.

Даже влюбиться по-настоящему непросто

Брак, как известно – довольно серьезное поприще, требующее больших духовных и душевных затрат, и крайне ошибочно его воспринимать в ореоле каких-то романтических мечтаний. Во-первых, потому, что данные конкретные люди, простите за банальную констатацию, очень легко могут друг другу просто надоесть. И чтобы этого не случилось, нужно непрерывное творческое усилие, именно творческое – чтобы в этом другом человеке, с которым я, казалось бы, прожил уже много лет и знаю его как облупленного, – чтобы вот в этом другом открывать нечто, чего я ещё не знаю. Для этого нужно иметь очень любовный взгляд на своего супруга или супругу. А это достигается определенным духовным настроем, требующим немалых усилий, которые многими людьми вовсе не прилагаются. В первую очередь, отсюда известный кризис мирского брака, когда обостряется ощущение привычки, постности в бытовом смысле слова, занудства, одним словом. И дальше люди по-разному с этим занудством справляются. Кто-то пытается совмещать брак с внебрачными связями, а кто-то просто так, тоскливо, безрадостно коротает дни жизни своей.

Но ведь Библия призывает: «наслаждайся женою юности своей», и там употреблено именно это слово: «наслаждайся». И раз речь идет о «жене юности», то это адресовано человеку совсем не юному, которому надо уметь наслаждаться, и не одними только воспоминаниями. Это как на знаменитом браке в Кане Галилейской, где оказывается, что самое вкусное вино будет потом. Один знаменитый проповедник говорил, что парадокс заключается в том, что вот эта духовная сладость христианского брака оседает на духовных устах, на сердце всё плотнее намного позже относительно того времени, когда брак начался.

Но это – как должно быть **в идеале**. А в миру брак обычно воспринимается прямо противоположным образом. Хронология брака исчисляется стереотипным сознанием примерно так: все восторги, все сладости брака придутся на то время, пока люди молоды, пока они заряжены энергией влюбленности. А потом – на разные лады склоняются такие слова, как «привязанность», «привычка» (в хорошем смысле слова), «дружба», «уважение». Что угодно, лишь бы как-то заменить тот первоначальный восторг, который **был**, но, увы, уже никогда не повторится. То есть здесь уже нет мудрости Ветхого Завета, которая предлагает наслаждаться женою юности своей. Там, в Священном Писании, конечно, есть предостережение, что вот, есть искушение у тебя освежить, в особенности, чувственно-эмоциональную сторону брака, но если ты мудрый человек, ты будешь наслаждаться женою юности своей. Не терпеть её, не

утешать себя тем, что влюбленность ушла, зато осталась привязанность (причём слово «привязанность» ещё и довольно двусмысленное: можно ведь понять и так, что кто-то кого-то к кому-то привязал). Или – «у нас ещё и дети, родительский долг». А в Ветхом Завете говорится именно: «наслаждайся».

И в христианстве, особенно в притче о браке в Кане Галилейской, всё это тоже предложено. Но символы принципиально новые. Во-первых, символ вечно обновляющегося содружества между мужем и женой, причём обновляющегося так, что подлинный вкус, действительная сладость узнается много позже, а совсем не в начале. Оно приберегается напоследок, это вино. И те, кто на самом деле знают, что такое переживать пронзительное ощущение влюбленности в свою жену, с которой прожил уже очень много лет, знают и то, что это чувство куда пронзительнее, чем состояние обалделости, когда влюблён молодой человек. Да, в это довольно трудно поверить тому, кто сам этого не испытывал. Или тому, кто все ещё летит на крыльях любви, в смысле увлечения, которое принято называть влюбленностью, - тому вообще всё нипочем, море по колено, и мир принадлежит только ему. Но эти крылышки быстро отпадут, на самом деле. Потому что влюбленность – это как бы такое, Богом замысленное чудо для того, чтобы люди встретились и не разошлись, чтобы их настолько крепко друг к другу тянуло, чтобы им и в голову не приходила мысль, - а что будет потом?

Если речь идёт о стандартном варианте, перспектива брака – это забота людей достаточно молодых. Конечно, молодость – это понятие относительное. И сорокалетний человек может чувствовать себя молодым. Но сорок – это не шестьдесят. Когда перед человеком есть большая перспектива, тогда он серьёзно озбочен тем, чтобы его брак непременно состоялся. И по-хорошему говоря, брак невозможно рассчитать. Хотя есть такое понятие – «брак по расчёту». Но это скорее не брак, а контракт: вот есть ли Ивановой смысл выходить замуж за Сидорова? А дальше начинается арифметика Агафьи Тихоновны: «вот ежели нос такого-то приставить к лицу такого-то, да ежели бы ещё сани этого – то...», и так далее. «Её бы коровенку – да к моему бычку, вот у нас всё бы и наладилось». Это старо как мир, безнадежно старо. И увы, сие есть образ отношений к браку в мире, не знающем любви, или в мире, который не вдохновлён любовью. На самом деле в мире, где даже настоящая влюблённость, такая, которая захватывает человека целиком, или такая, которая как бы приподнимает его над землёй, - это тоже не очень частое явление. Да, это предмет мечтаний. Но в реальности это встречается не часто, во всяком случае, не так часто, как люди думают. Оттого, к слову говоря, вот такой нарочитый поиск: «живу-живу, а счастья нет, и даже толком ещё ни в кого не влюблялся». Ведь чем надоели эти ожидания? Всё жду, когда меня шандарахнет по мозгам, когда Амур вонзит стрелу в мою истомившуюся душу. И чем больше ждёшь, тем меньше реальных надежд на то, что это когда-нибудь случится. Потому что, всё-таки влюблённость – это некоторая распахнутость (не открытость, а именно распахнутость, готовность что-то в себя впустить). И вот когда человеку, который этого очень ждёт, что ему что-то такое, наконец, дадут, то он, как правило, ничего не получает. И не случайно эти аховые влюблённости, как правило, или дело очень молодых людей, которые ещё не искушены в жизни (здесь – по-хорошему не искушены: ещё не знают этой жизни, и поэтому легко поддаются таким порывам), или же людей, довольно поживших, умеющих оценить контраст между тем, что та-

кое жизнь в её будничности, и тем, что может вдруг открыться, когда в тебе сломался какой-то замок.

Можно, например, вспомнить Клайва Льюиса и его знаменитый брак. Он женился то ли в 58, то ли в 59 лет, на женщине, которая была лет на 14 моложе его. Правда, в этом возрасте это не такая уж и разница. Причём женщина была тяжело больна онкологически. И ею, и всеми вокруг это воспринималось как чудо. Не как аскетический подвиг – вот, мол, он из благородства женился на тяжелобольной. А что же это было на самом деле? Он был настолько вдохновлён этим браком, что если бы кому-нибудь пришло в голову, что он женился из жалости, чтобы облегчить человеку страдания и скрасить остаток жизни (понятно, что ей недолго осталось), - так вот, если бы это было так, он не написал бы той книги, которая называется «Радость пришла неожиданно» - «Joy came suddenly». Правда, тут есть аллюзия на то, что его жену тоже звали Джой, что в переводе и означает «радость». Так что это может быть в любом возрасте. Но чаще всего почему-то бывает или достаточно рано, или с людьми, которые уже знают толк в жизни, и ни за что не спутают простой позыв плоти с таким воспаряющим состоянием.

К слову, об этом воспаряющем состоянии. Здесь надо сказать, что в мире, где любовь не правит, там и влюблённость – состояние несчастное. А чаще всего оно бывает, как мы говорили, или, когда люди ещё очень молоды, или - уже не очень. А когда человек вырастает в режим обустройства своей жизни – положения добиться надо, место определённое занять, дом купить и так далее, - вот человеку с таким умонастроением очень сложно даже влюбиться, потому что у него и голова, и всё остальное уже существуют в другом режиме. Там, где всё понятно, всё просчитывается, всё исчисляемо, последствия предугадываются. А для того, чтобы быть хотя бы влюблённым, надо уметь хоть немножко сходить с ума. А человек, который делает карьеру – ему не до сумасшествия, у него режим другой, образ жизни другой, не допускающий подобного.

Иное дело, что на уровне мечты это всегда остаётся. Потому что человек всё-таки сотворен по образу Божию. Ему всегда хочется выйти за рамки той обыденности, которая никогда никого на свете не вдохновляет. Люди идут на компромисс с этой обыденностью по разным причинам, очень легко просчитываемым. Но сама по себе эта обыденность никому не нравится. Даже регулярные выезды в отпуск, скажем, банковского служащего не куда-нибудь, а на Сейшельские острова, где всё совсем другое, где первозданный мир, где и ты другой, не такой, как дома, - всё это тоже протест против обыденности, которая совершенно не вдохновительна. Людям нужен дополнительный допинг. Человеку нужно, чтобы он, помимо этой обыденности, что-то собою представлял. Например, власть, чтобы были связи, чтобы было что-то, что её бы подхлестывало, чтобы он получал дополнительный эмоциональный заряд. Больше всего, как известно, ненавидят свою работу так называемые клерки, у которых нет ничего – ни власти, ни полномочий, никакой особой перспективы, ни разнообразия отношений на трудовом поприще, а есть только вот такая голая монотонность. Вот это самая ненавистная форма существования, которая, к слову говоря, может даже и неплохо оплачиваться. Но если человек себя на это обрекает, то он внутренне себя за это очень не любит, и пытается эту нелюбовь компенсировать, как известно.